

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

РОССИЙСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПУТИ КОНСОЛИДАЦИИ*

С.Г. Ильинская

Сектор истории политической философии
Институт философии Российской академии наук
ул. Волхонка, 14/1-5, Москва, Россия, 119991

Автор последовательно отстаивает в своих публикациях необходимость развивать отечественные социально-гуманитарные науки, и политологию в частности, внедрять аутентичный категориальный аппарат, наполнять новым содержанием, обогащать уже имеющийся, а не довольствоваться заимствованием западных наработок. Она предлагает дополнить существующие классификации государственных режимов типами современных общественных систем. Речь идет о подразделении их на «общество ценностей» (процедурное, регулируемое преимущественно законодательным способом) и «общество цели» (мобилизационное, регулируемое преимущественно волонтаристскими методами). Главная мысль статьи: мы не хуже и не лучше, мы — другие, и нет смысла отказываться от собственной идентичности, некритично перекраивая российскую действительность по западным лекалам, поскольку на этом пути мы обречены на вечную печать «недоразвитости». Проект будущего мыслится автором как самодостаточное «общество смысла», способное формулировать новые цели, продуцировать новые ценности. Главная задача, которую должно на сегодня поставить перед собой на этом пути отечественное гражданское общество — это сбережение российской истории.

Ключевые слова: политическая теория, гражданское общество, классификация политических режимов, типы современных общественных систем, российская идентичность.

Два года назад, анализируя сложности «приживания» демократического способа легитимации власти на отечественной почве, на страницах «Вестника РУДН» я высказала мысль о том, что в российском обществе назрела необходимость в формулировании аутентичного пути развития, альтернативного существующим в мире [12]. Настоящая статья — попытка определить ту идею, вокруг которой на сегодня возможна консолидация гражданских сил.

* Работа выполнена в рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009—2011 гг. (проект РНП.2.1.3/6045 «Гражданское общество: теория и современная практика в мировом и российском измерениях»).

Некоторые размышления о теории и практике в политологии

Переживая период своего бурного развития в России в конце XX в., политология, в основном, развивалась путем заимствования западных наработок [6. С. 88].

Есть в этом как положительные стороны, так и отрицательные. С одной стороны, в период с конца 1980-х и все 1990-е гг. была возможность критически пересматривать уже имеющиеся концепции, привнося в них что-то свое. С другой стороны, редко кому из отечественных политологов удавалось в этот момент преодолеть извечный российский пиетет перед Западом и вырваться за пределы догм, устоявшихся к тому моменту в политологии.

Одна из важнейших задач, которая в этой связи стоит перед нашей политической теорией — переосмысление значительного количества понятий применительно к российской действительности, поскольку простое заимствование их либерального содержания навсегда погружает нашу страну в «бездну авторитаризма»: по западным меркам мы обречены оставаться негражданскими и недемократическими.

В процессе становления политологии как учебной дисциплины российские программы подготовки будущих политологов имели тенденцию существенно корректироваться с учетом существующей социально-политической конъюнктуры: в 1990-е политология нередко подменялась политическими технологиями и пиаром, в 2000-е — государственным управлением, что соответствовало запросу текущего момента, но, по мнению Т.А. Алексеевой, обедняло политическую теорию как таковую [2. С. 155].

На наш взгляд, каждый «текущий запрос» не проходит бесследно, обогащая теорию в целом. Момент, когда актуальным было заполнение лакун прикладной политологии, прошел. Поговорим о том запросе, который, на наш взгляд, наиболее актуален сегодня: о российской государственной и общественной самоидентификации.

В конце 1980-х, на фоне политики гласности (обнародования нелицеприятных для коммунистического режима фактов), доходящей до самообличения и самобичевания, и позднее — в 1990-е гг. — под скрепы российской идентичности был заложен ряд мин замедленного действия, которые периодически детонируют до сих пор.

Остановимся на нескольких моментах, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемому предмету, а именно: 1) очернении российской истории (в особенности ее советского периода), 2) репрессивности прямого заимствования чужого категориального аппарата в гуманитарной сфере вообще и в частности — той классификации современных политических режимов, что некритически принята в западном мире до сих пор практически повсеместно.

1. Шутка о том, что Россия — страна с неизвестной историей, не лишена горького смысла. Действительно, история в нашем государстве только в XX в. переписывалась не раз. Вскоре после Октябрьского переворота весь имперский период развития в учебниках истории окрашивается в мрачные тона. Однако начиная с 1930-х гг. в рамках политики по формированию единой гражданской нации, а также укреплению советского патриотизма многие события и ключе-

вые фигуры российской истории реабилитируются (Александр Невский, Петр I, А.В. Суворов и т.д.). Тем не менее, почти вплоть до Великой Отечественной войны, когда понадобился стойкий характер и мужество русского народа, на нем был выбит ярлык шовиниста-должника и угнетателя других народов, несмотря на то, что русские люди, наоборот, всегда составляли главную тягловую силу страны. В позднейшем преподавании истории практикуется все более взвешенный подход при обязательном сокрытии неблагоприятных для режима фактов и неизменном присутствии идеологических интерпретаций. Одним историческим фигурам (Степан Разин, Емельян Пугачев, Салават Юлаев) приписывается чуть ли не классовое сознание, деяния других замалчиваются или очерняются (генерал Ермолов, Столыпин и др.). Да и всемирная история трактуется в полном соответствии с теорией смены общественных формаций и классовой борьбы. Справедливости ради заметим, что данная тенденция была характерна не только для СССР, но и для антагонистической ему системы. Прогрессистские интерпретации истории на Западе отличались лишь тем, что венцом развития человеческого общества виделся не коммунизм, а либеральная демократия [19. С. 68—69].

В 2000-е, когда политическая система в России стабилизировалась, стала заметна некоторая обратная «патриотическая» тенденция: учреждение Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, исключение из списка рекомендованных в школах учебников истории, изданных благодаря поддержке западных фондов (например, Фонда Сороса по программе «Обновление гуманитарного образования в России») или написанных авторами, излишне критично относящимися к некоторым фактам отечественной истории (например, учебник по отечественной истории XX в. И. Долуцкого).

Тем не менее, шаги, предпринимаемые в направлении взвешенного осмысления собственной истории, выглядят на сегодня явно недостаточными. Для иллюстрации данного положения сошлюсь на недавнее нашумевшее дело профессоров МГУ А. Вдовина и А. Барсенкова, когда их вполне умеренное в своих оценках учебное пособие по истории России было подвергнуто идеологической порке похлеще всяких агитпроповских разносов.

Инерция покаянного самобичевания заставляет в Российской Федерации (являющейся правопреемницей СССР!) проводить все новые кампании по десоветизации, десталинизации и т.п.

Демонизация советской истории выглядит в какой-то мере политически оправданной в некоторых странах постсоветского пространства, переживших период радикального этнического национализма, продолжающих отмежевание от советского прошлого, ибо у них нет иных оснований для построения государственной идентичности. Что касается России, то такая политика для нее носит, несомненно, разрушительный характер. Даже денацификация в Германии (а нацистский режим просуществовал исторически недолго, и немцы имели опыт донацистской жизни) с навязыванием чувства коллективной вины имела весьма неоднозначные последствия.

В нашем случае речь идет о более чем 70-ти годах — жизни трех поколений. Невозможно одновременно каяться в преступлениях тоталитарного режима и гордиться его достижениями.

2. Многое в этой «покаянной логике» обусловлено репрессивностью прямого заимствования чужого категориального аппарата в гуманитарной сфере.

О репрессии через гипостазируемые понятия, навязанные угнетаемым группам через ложные ценности и цели, авторами, пишущими в парадигме неомарксизма, антиколониализма, антиглобализма, феминизма и т.п., сказано на сегодня достаточно. Политика политкорректности для преодоления структурного неравенства нередко носила более или менее абсурдный характер, доходя до попыток изъять из обращения некоторые понятия, вплоть до таких основополагающих, как «отец» и «мать» или «эпоха великих географических открытий» и др. И если предложение представителей сексуальных меньшинств заменить традиционные семейные роли безликими «родитель № 1» и «родитель № 2» пока не возымело успеха даже в либеральнейших США, то протест стран Азии и Африки против того, что их «открыли» европейцы, неоднократно оформлялся в научные труды, воплощался в конкретные учебные программы.

Ступив на путь демократизации и либерализации, российская власть отбросила ценности советского периода и стала активно насаждать западные, прежде всего такие, как «демократия», «рынок» и «гражданское общество». Последнее и было тем флагом, под которым осуществлялись реформы.

«Понятие гражданского общества было взято на вооружение, так как оно очень точно и емко выражало то, чего в этом обществе недоставало и что хотелось бы иметь в качестве неперемennого условия жизни» [7. С. 10].

Однако сама власть этих ценностей не разделяла (даже «рынка» и сопутствующей ему конкуренции, в том числе политической).

Что же касается «демократии», то события развивались так.

Новой «демократической» элите удалось придти к власти в результате перестройки во многом потому, что она смогла сформировать антисоветский консенсус. То, что входившие в нее были антисоветчиками, было важнее идеологических разногласий. На первом этапе общество поддержало либеральных «демократов» — Б. Ельцина, партию «Демократический выбор России». Но уже в декабре 1993 г., после расстрела Верховного Совета, несогласного с усилением исполнительной ветви власти, «Демроссия» проиграла на парламентских выборах, а Ельцин потерял общественную поддержку. Победа лидера коммунистов Г. Зюганова на президентских выборах 1996 г. была неминуема. Благодаря мощнейшему использованию административного ресурса и активной PR-кампании на тему «не допустим реставрации коммунизма» произошла не смена власти, а дальнейшее «ужатие» демократии. Затем — введение института преемника и т.д.

Гражданское общество в этих условиях становится помехой в проведении очередного «нужного курса» реформ. Оно (ввиду своей разрозненности и разномастности) все реже успевает осмыслить и прореагировать (консолидироваться и организовать общественный протест) на властные инициативы. [Один из последних потрясших меня примеров, это когда решение, затрагивающее интересы миллио-

нов граждан, о расширении Москвы и создании Столичного федерального округа, было принято без широкого общественного обсуждения и проведения референдума.]

В развитие темы о демократии как ценности и демократии как политическом режиме вернемся на уровень теории.

В политологии на сегодня есть некая условность, общее место, подкрепленное трудами классиков (Х. Арндт, Ф. фон Хайек, Р. Арон и др.) и почти что приравненных к ним современников (З. Бжезинский, С. Хантингтон, Д. Росту и др.).

Речь идет о классификации политических режимов на демократические, авторитарные и тоталитарные. Причем в качестве бесспорных примеров последних приводятся лишь сталинский СССР и гитлеровская Германия (и то, нередко, с оговорками). Российские учебники иногда расширяют список, добавляя в него Италию времен Муссолини, Португалию времен Салазара-Каэтану, Испанию времен Франко [1. С. 168].

Теория тоталитаризма практически не подвергается серьезной критике, несмотря на то, что если заняться поиском различий, а не сходства между фашистскими и коммунистическими режимами, то различий отыщется гораздо больше, нежели сходных черт. В этом вопросе у автора немало единомышленников в исследовательском сообществе: М. Колеров, В. Симиндей, О. Неменский, А. Колпакиди, Б. Безпалько [10] и др.

Что же касается режимов демократических, то в современных либеральных теориях политики есть различные процедуры демократической легитимации власти. Есть шумпетерианский «минималистский» вариант, есть совещательная (делиберативная), есть агонистическая модель [11], не говоря уже про огромное количество трактовок демократии как классических (прямая, представительная), так и современных (плюралистическая и элитарная, коллективистская и партиципаторная, полиархия, общественная, делегативная и т.п.).

И в зависимости от позиции исследователя, а также тех критериев демократичности, которыми он оперирует, нередко один и тот же режим, в один и тот же отрезок времени, классифицируется одними авторами как демократический, другими — как авторитарный. Так, Гильермо О’Доннелл в 1980-е «оправдал» некоторые латиноамериканские режимы, объяснив, что это просто такой тип демократии — делегативная, когда президенту в момент избрания вручается запредельно большой объем полномочий.

Термин «демократия» применительно к той или иной стране обрастает прилагательными не случайно. В настоящее время сложно говорить о реальной политической конкуренции, являющейся неотъемлемой частью демократического соревнования за власть, даже применительно к развитым странам либеральной демократии (тому мешают и предельная бюрократизация избирательного процесса, и безграничные возможности масс-медиа по манипулированию волей избирателя, и проч.).

Реальность такова, что даже в большинстве развитых стран сегодня наблюдается тенденция «сворачивания» демократии, обеднения и «вымыывания» ее глав-

ной опоры — национального среднего класса (малопроизводительного и много потребляющего с точки зрения глобального международного правящего класса «новых кочевников»).

Кроме того, есть несколько соображений здравого смысла, о которых почему-то не принято говорить. Во-первых, существующая классификация (демократия, авторитаризм, тоталитаризм) не воспринимается как ценностно-нейтральная. Тоталитаризм — это «страшное зло», авторитаризм — «зло большое». Такая логика сама по себе является тоталитарной.

Понятно, что в исследованиях, имеющих отношение к теме «демократия», есть нормативная и есть эмпирическая плоскость. Но даже наисовершеннейшая институционально демократия не может быть абсолютной ценностью, тем более во всем мире. Демократическим путем к власти пришел Гитлер, сегодня — приходят радикальные исламисты.

Если речь идет не о формальной стороне вопроса, а о содержательной, т.е. если демократию понимать как учет *мнений* большинства населения, то она, безусловно, ценность. Но не безусловная. Особенно если речь идет не об антично-христианской культурной традиции. Кстати, в этом случае поздний СССР был куда демократичнее современной России.

А если вести речь об учете *интересов* большинства, то многие автократии справляются с этим гораздо лучше демократических государств.

Существенно большей ценностью, нежели демократия, может быть, например, государство или стабильность политического режима. В нашей стране, пережившей в свое время гражданскую войну и иностранную интервенцию, это должно пониматься как нельзя лучше. Особенно в свете судеб сегодняшних «несостоявшихся государств» вроде Афганистана, Ирака, а также недавних событий на Ближнем Востоке, хаотизация которого ничего хорошего не принесет не только всему населению сотрясаемых протестами стран, но и той его малой части (изрядно разбавленной бунтовщиками, выступающими против любого порядка), которая в настоящее время «стремится к демократии».

В ситуации, когда демократия трактуется в качестве одной из безусловных общечеловеческих ценностей, а ее недостаток является поводом для вооруженного вмешательства, вплоть до бомбардировок мирного населения, многим становится ясной опасность вариативности и размытости демократических критериев. А также двойных стандартов, при которых для оценки режима в одном случае во внимание принимается «фасадная» демократия (формально декларируемая в нормативных документах, т.е. институты), а в другом — реальная (как эти институты фактически работают, т.е. процессы и процедуры).

Вот почему мы предлагаем отказаться вовсе от существующей классификации государственных режимов как от исчерпавшей свои возможности, или хотя бы на первом этапе дополнить ее типологизацией государства и общества по иным ключевым признакам, перейдя, таким образом, к двух- или трехмерной модели «государство—общество».

Государства, например, можно классифицировать как идеократические (регулируемые преимущественно с помощью комплекса идей) и номократические

(регулируемые правовым путем), возможно, также и как этократические (от греч. «*etos*» — обычай). Так, в частности, поступает В. Кожин [15. С. 51].

Современные общества легко подразделяются, например, на «общество ценностей» (процедурное, регулируемое преимущественно законодательным способом) и «общество цели» (мобилизационное, регулируемое преимущественно волонтеристскими методами), возможно, даже и на «общество веры» (исламский мир).

Хотя аналитики предлагают и другие понятия в отношении данного региона в рамках принципиально иных объяснительных моделей, например, «контромодерн» (С. Кургинян), или говорят о конгломерате (вкраплениях традиционного общества в современное — А. Богатуров), об оформлении «нового Средневековья» (Г. Мирский).

Я отдаю себе отчет в том, что любая классификация есть упрощение, что были и будут некие смешанные (с точки зрения «идеальных») типы.

Предлагаемая классификация мыслится как ценностно-нейтральная, во многом зависимая от того, какие цели и какие ценности провозглашаются в качестве ключевых. Если гуманистические — то почему, собственно, «общества цели» не имеют права на существование?

Каждый тип, доходя до каких-то крайностей в развитии, демонстрирует свои недостатки. Когда в обществе действует принцип: «Цель оправдывает средства», последствия могут быть ужасными. В то же время если относительные ценности воспринимаются как абсолютные и навязываются иным обществам в качестве таковых, мы наблюдаем не менее чудовищные результаты.

Вот почему желательный проект будущего видится нам как самодостаточное «общество смысла», способное формулировать новые цели, продуцировать новые ценности, в чем собственно и состоит на сегодня задача гражданского общества в его обновленном понимании. На этом пути российской общественности еще предстоит осуществить нравственную оценку реформ последних десятилетий.

Напрашивается простой вывод: нам пора переходить к проективной политологии. Развивать аутентичную теорию, обогащать практику преподавания, предлагать собственные социально-политические разработки. Иначе мы обречены на вращение в замкнутом круге истории: заимствовать чужие формы (например, политические институты), наполнять их своим содержанием (российскими людьми) и сетовать в дальнейшем по поводу результата (почему отечественный аналог отличается от иностранного идеала?)!

На наш взгляд, мы не хуже и не лучше, мы — другие, и нет смысла отказываться от собственной идентичности, некритично перекраивая российскую действительность по западным лекалам, поскольку на этом пути мы обречены на вечную печать «недоразвитости».

Западные исследователи нередко сетуют на «недемократический характер российского гражданского общества», особенно когда речь идет о тех его элементах, которые неприязненно относятся к либерализму [23]. А. Умланд даже внедрил новый термин «негражданское общество» [24], причем исследователь обозна-

чает им те элементы гражданских сил (например, ультраправых националистов), гражданственность которых в других государствах постсоветского пространства (например, на Украине или в Прибалтике) западными авторами под сомнение не ставится.

Что же касается отечественных либеральных исследователей, то они, хотя и в более мягкой форме, но тоже отмечают российские «пороки развития», вплоть до того, что корни сегодняшних проблем видятся им, например, в отсутствии в нашей истории полноценного добуржуазного Средневековья, способствовавшего формированию в Европе свободных университетов, автономных городов, автономных профессиональных цехов, сословия свободных ремесленников, художников и литераторов [5. С. 179].

Справедливости ради заметим, что объективные исследования по гражданскому обществу, учитывающие характерные особенности российского менталитета, в отечественной литературе тоже присутствуют (см., например: [4; 8]).

Один из российских политических философов, хорошо знающий западную традицию и смело теоретизирующий сам, Б. Капустин, в одной из последних работ убедительно доказывает, что сегодня не только в России, но и на Западе гражданское общество «становится известным в основном по своему отсутствию или неполноте» [14. С. 28], и в конечном итоге определяет его как «форму нормативно мотивированной политической практики, предполагающей самоорганизацию общественных сил и нацеленную на самоизменение общества» [14. С. 41].

Что же такое гражданское общество в «обществе цели»? Мы полагаем, что это те субъекты, которые способны формулировать новые цели и влиять на власть, чтобы та осуществляла мобилизацию ресурсов в нужном для общества направлении. В российской истории роль гражданского общества выполняла, как правило, интеллигенция.

Угрозы российской идентичности как шанс для консолидации отечественных гражданских сил

Во времена идеологического противостояния СССР и антагонистической ему системы буржуазной либеральной демократии противопоставлялась система советская как подлинно народная. После того как идеологический ракурс был смещен на прямо противоположный, появилось огромное количество печатных работ, в том числе отечественных, в которых проводились параллели между сталинским и гитлеровским режимами, осуществлялось приравнивание коммунизма к фашизму. Дискредитация отечественной истории к настоящему моменту вылилась во множество дипломатических следствий, вплоть до различных переинтерпретаций итогов Второй мировой войны. С одной стороны, на государственном уровне мы видим стремление противостоять данным тенденциям (см. например: [17]), с другой — проводится вот уже четвертая по счету десталинизация.

Первая — хрущевская — осуществлялась частично с целью дополнить харизматической легитимностью легальное избрание на пост генерального секретаря, частично — с целью переложить на Сталина ответственность за собственное участие в репрессиях (об этом подробно пишет историк А. Вдовин в цитируемом в статье источнике).

Горбачевская десталинизация проводилась в рамках политики гласности, ельцинская — демократизации. Однако вопреки всему Сталин и сегодня — популярная и позитивно оцениваемая массовым сознанием россиян политическая фигура.

Что касается медведевской «модернизации сознания», то логика ее примерно такова: общество не может начать уважать себя и свою страну, пока оно скрывает от себя страшный грех — 70 лет тоталитаризма, когда народ совершил революцию, привел к власти и поддержал античеловеческий, варварский режим.

Некоторые политические аналитики (например, С. Кургинян) прямо называют Дмитрия Медведева Горбачевым № 2 и говорят о перестройке-2, призванной окончательно разрушить наше государство.

Действительно, с помощью подобного политического камлания можно добиться лишь одного: заставить народ потерять последние остатки самоуважения. Признание 70 лет советской власти страшным грехом действительно ведет к уничтожению согласившегося на такое признание народа, поскольку народ этот «почему-то такое совершил?!» Причины начинают искать в досоветской истории.

За последние 20—25 лет было издано немало работ об извечной авторитарности России. В итоге и Александр Невский, и Иван Грозный, и Петр Первый трактуются как предтечи Сталина.

В подобных заявлениях и работах утверждается, что история России — сплошной дефект и неполноценность, история ошибок и правовых преступлений. Все наше прошлое вдруг оказывается наполнено «страшным грехом». Как и в послеоктябрьский период, в адрес русских людей выдвигаются абсурдные обвинения в колониализме, в общество периодически вбрасывают некие антирусские бренды (тот же «русский фашизм»), а также уже порядком потрепанные клише о неполноценности, незрелости русской цивилизации, ее отсталости, лени и пьянстве русских людей, их извечном воровстве. Мощная негативная струя в изображении отечественной истории не иссякает.

С другой стороны, выходили и выходят научные и научно-популярные труды (хоть и не в таких объемах), в которых делаются попытки непредвзятой оценки российской истории. К данной плеяде авторов принадлежали ныне покойные В. Кожин, А. Панарин.

В недавно изданной монографии И. Фроянова «Грозная опричнина» дается, как мне кажется, вполне объективная оценка эпохи правления Ивана Грозного как весьма непростого периода отечественной истории, причин, породивших опричнину, и т.д. [21].

В свое время Вадим Кожин писал о том, что Иван IV был ничуть не свирепее своих «коллег» — европейских монархов и некорректно оценивать его политику согласно моральным критериям нашего времени.

Предпринимаются попытки «отстоять» и Петра I, который победил шведов, совершил огромные территориальные завоевания, создал современную для того времени армию, и, сломав сословные перегородки, открыл новый канал вертикальной мобильности в обществе. Петр не просто «стриг бороды», а перераспределил

возможности, отняв их у бояр и отдав прогрессивным на том этапе группам (прежде всего дворянству), создал свою базу поддержки в виде так называемых «потешных полков». «Смерды» при нем были системно введены в элиту феодального общества. Вошли в новую элиту и нужные царю старообрядцы, готовые развивать индустрию, и часть боярства (Ромодановский, Шереметев и др.).

Опять же, раздаются здравомыслящие голоса, которые объясняют некорректность оценки монарха периода просвещенного абсолютизма с позиций сегодняшних этических норм. Впрочем, Пётр Первый — фигура, в большей степени демонизируемая почвенниками, сторонниками особого русского пути. Он осуждается ими как европеизатор, историческая фигура, искажившая аутентичное российское развитие, уничтожившая демократический уклад российского общества, в результате чего «страна оказалась отброшена почти на два столетия назад» [16. С. 467].

Высказываясь по поводу современных баталий в отношении осмысления российской истории, С. Кургинян в телепередаче «Суд времени» утверждает, что Россию «приговорило» мировое сообщество, а демонтаж нашей истории затевается ради демонтажа народа и страны. (Есть и другие источники на эту тему, например: [18; 22].)

Вынесенный «коллективный вердикт», с его точки зрения, продиктован тем, что мир перестраивается определенным образом. А тот, кто отстает (в частности, ослабленная либеральными реформами Россия), выпадает из системы.

Современное мировое «разделение труда», по Александру Неклессе, создает четкое членение мира на экономические макроструктуры — в зависимости от «модернизированности» экономики и места в глобальном сообществе. Высокоразвитый богатый «Север» («Запад» плюс Япония), экономически и политически доминирующий, вступает в стадию «постиндустриальной культуры», в которой главным предметом производства являются высокие технологии, идеи и т.д. Место промышленного лидера переходит к «новому Востоку», азиатским, прежде всего — тихоокеанским странам, пережившим и переживающим «экономическое чудо». «Юг», расположенный преимущественно по Индоокеанской дуге, испытывает муки провалившейся модернизации или же проедает естественные ресурсы (нефть и т.п.).

Я присоединяюсь к тем авторам, которые полагают, что нам нет необходимости говорить о модернизации России, потому что это — позавчерашний день в нашей истории, а надо вести речь об *аутентичном развитии*.

Действительно, модернизация в чистом виде, как переход от доиндустриального общества к индустриальному, у нас невозможна, поскольку в России нет социального вещества (традиционного общества), которое можно «бросить в топку модернизации». Мы уже пережили модернизацию, жили в индустриальном обществе и подошли к постиндустриальному уровню. Последние 20 лет в чем-то отбросили нас далеко назад.

На вопрос: «Кто же в этом случае мы?» ответить непросто, поскольку в нас всего понемногу.

С одной стороны, у России пока еще не утрачен советский интеллектуальный потенциал, чем она выгодно отличается от новых индустриальных стран (того же

Китая, который успешно копирует чужие разработки, но пока не имеет культуры создания принципиально нового). В чем-то этот потенциал деградирует, в чем-то развивается, но он пока не утрачен.

Произошедшая деиндустриализация и потоки мигрантов из стран постсоветского пространства делают нас похожими на постиндустриальный «Северо-Запад».

Сырьевая зависимость приближает к «Югу». Развитие отверточной сборки в последнее время — к «Востоку». А в общем и целом, с точки зрения геополитики и мировой экономики, мы опять «сами по себе».

Для меня также очевидно, что в России сложилась своя, специфическая, политическая система.

Одно из главных ее составляющих — идеократическое государство, которое неизменно присутствовало в досоветский, советский и постсоветский периоды, просто в каждом из них была своя властная идея: великодержавие с опорой на православие, социализм (вначале коммунизм) с опорой на марксизм-ленинизм, либеральная демократия. Каждый комплекс идей, пришедших к нам извне (начиная от православия и заканчивая либеральной демократией), был на этапе заимствования радикализован, а затем существенно преобразен, приспособлен к российской почве. Каждый режим (имперский, советский) утрачивал свою легитимность, как только общество осознавало, что власть сама не верит в те идеалы и ценности, которые официально провозглашает.

С этой точки зрения нынешний либерально-олигархо-бюрократический режим тоже обречен, несмотря на то, что в процессе стабилизации российской политической системы после реформ 1990-х в какой-то мере, на новом витке развития, произошла реставрация ряда черт, присущих режиму советскому. В то же время степень допустимой свободы стала несравнимо более велика во всех сферах, включая политическую, хотя в последней она присутствует в гораздо меньшей степени.

Размеры статьи не позволяют обозреть российскую историю «от Рюрика до наших дней». Да в этом и нет необходимости, поскольку мы лишь предлагаем к обсуждению ряд дискуссионных моментов. К тому же основной период модернизации (и момент, когда в стране действительно сформировалось современное общество) пришелся в нашей стране на XX в., и конкретно — большей частью на сталинскую эпоху.

Ускоренная догоняющая модернизация осуществлялась после гражданской войны и иностранной интервенции перед лицом угрозы второй мировой, затем — в военных условиях, в послевоенное идеологическое противостояние. Осуществлялась в кратчайшие сроки жесточайшими методами.

Совершенно очевидно, что невозможно оценивать данный период российской истории с позиций сегодняшних моральных критериев, поскольку речь шла о сохранении государства, время было иное, когда ценность человеческой жизни воспринималась совершенно иначе, нежели сейчас (люди массово гибли от голода и болезней, и это было обыденной реальностью).

Советское общество сформировалось как «общество цели», ради достижения которой оно было готово идти на многие жертвы.

К тому же в оценках того периода до сих пор присутствует много подтасовок. Это касается, в частности, репрессий, масштаб которых нередко преувеличивается. А.И. Вдовин озвучивает следующие данные: за 1936 г. по делам НКВД были приговорены к расстрелу 1118 человек. В последующие два года «большого террора» было репрессировано: в 1937 г. — 353 074 человек; в 1938 г. — 328 618 человек. Это много, но это гораздо меньшие цифры, чем те, что называют обычно в полемическом задоре. Доля оправдательных приговоров достигала 15%, регулярно проводились амнистии политических заключенных.

Репрессии 1936—1938 гг. были обусловлены страхом перед надвигающейся войной и угрозой появления «пятой колонны» из числа старых большевиков или завербованных агентов из Германии [3. С. 124—132].

Еще один «камень преткновения» — так называемые «депортации народов».

Расистские стереотипы мышления, феномен коллективной ответственности, помещение в концлагерь были обычными политическими практиками первой половины XX в. Вот только некоторые примеры, имеющие отношение не к гитлеровской Германии, а к странам либеральной демократии.

В 1922 г. Верховный суд США принял постановление, согласно которому иммигрантам монголоидной расы запрещалось давать американское гражданство. В 1938 г., когда Германия захватила Судеты, и оттуда побежали враги Гитлера, Канада согласилась принять три тысячи немцев и только шесть еврейских семей. Госсекретарь этой страны Блэйр сказал тогда: «Даже один еврей — это слишком много!» А Сталин принял отвергнутых Западом беженцев. В 1941 г. в США было создано 10 концлагерей для 120 тысяч японцев, проживающих на территории страны и являющихся ее гражданами [20. С. 500].

Советский Союз был построен по принципу коллективных прав, а такое мышление, доведенное до своего логического предела, оборачивается коллективной ответственностью, в рамках которой репрессии против группы в целом вполне легитимны. Именно поэтому, когда значимое количество индивидов, «приписанных» к этнической группе, сотрудничало с фашистскими оккупантами, вся группа утрачивала доверие, и у высшего руководства страны не возникало и тени сомнения в том, что выселять надо всех.

В воспоминаниях переживших депортацию людей часто указывалось на тяжелые условия перевозки в ссылку и мн. др. Однако время было военное, когда не хватало вагонов даже для перевозки людей и грузов к линии фронта. И армия, и труженики тыла тоже находились в нечеловеческих условиях. И было бы странно, если бы депортированным предоставляли более комфортные условия.

Прошло время, люди были реабилитированы, вернулись в родные места, получили компенсации за утраченное имущество. Пора бы закрыть эту проблему: с тех пор появилось немало других «кровотокающих» тем, более современных. В частности, мирный и не очень «исход» представителей иных этнических групп с территорий республик ранее репрессированных народов.

Ответ на вопрос: почему Сталин, несмотря на несколько кампаний десталинизации, так популярен сегодня, — лежит на поверхности.

Во-первых, политика и сегодня не делается в белых перчатках. И зачастую политическому деятелю приходится выбирать из нескольких зол даже не меньшее, а оптимальное.

Во-вторых, сталинский СССР — как бы парадоксально ни звучало — это «свой» проект. Аутентичный. Незападный. О сворачивании Сталиным большевистского проекта «мировой революции» и разворачивании «построения коммунизма в отдельно взятой стране» подробно пишет А. Вдовин в своей монографии «Подлинная история русских. XX век» [3. С. 70—224].

Вот почему этот исторический персонаж (как и многие другие, способствовавшие российскому величию) ненавидим на Западе. По этой же причине сегодня столь неприемлем для мирового сообщества вполне умеренный режим А. Лукашенко, при котором Республике Беларусь удалось сформулировать государственную идентичность на основе переосмысления, а не отрицания советской истории. Мотивы такого отношения подробно разобрал В. Кожин, анализируя западные нелицеприятные характеристики роли Византии в истории. Главный из них — неприятие конкурирующего проекта, альтернативной Западу цивилизации [15. С. 40—52], — тоталитарная по своей сути логика.

В-третьих, в материальном смысле (несмотря на чудовищный технологический износ) мы до сих пор живем в стране, построенной или, по крайней мере, задуманной, заложенной, в основном, при Сталине. Дороги, каналы, мосты, плотины, электростанции, дома... Конечно, СССР не стоял на месте и при последующих руководителях. При Хрущеве массово решался жилищный вопрос в городах, при Брежневе — развивалась советская деревня. Но как «эффективный менеджер» Сталин до сих пор не знает равных, хотя и заплачено за эту эффективность большой ценой.

В-четвертых, свою роль играет запрос на социальную справедливость: российское общество истосковалось по руководителям, которые способны думать не только о том, как бы «урвать» для себя и своей семьи.

В общем, «спрос на Сталина» создает поразительная беспомощность и корыстолюбие современной российской власти.

В-пятых, Сталина не оставляют в покое его идеологические противники. Подобно тому, как в советское время некоторые возникающие проблемы объясняли неизжитым наследием царского режима, так и сегодня в собственных просчетах и ошибках до сих пор обвиняют «рябого грузина» [9. С. 49—71].

Россия современная как наследница византийского и советского проектов имеет все шансы предложить глобальную альтернативу мироустройству, в котором есть только постмодернистский Северо-Запад, модернистский Восток и контрмодернистский Юг. Выдвинуть нечто новое и одновременно узнаваемое. Новизна эта должна быть укорененной в российской реальности, иначе в нее не поверят. Такая новизна может быть создана только на основе переосмысления нашей истории, прежде всего советской, потому что именно в этот период у нас сформировалось общество современного типа. Тогда наш уникальный опыт станет отправной точкой для полноценного движения в будущее.

Авторов, предлагающих отечественные проекты развития, на сегодня уже немало: как публицистов (Максим Калашников), так и ученых (Александр Неклесса), а также и тех и других в одном лице (Михаил Делягин, Сергей Кургинян).

Большинство из них считают осуществление «сверхмодернизации» России, превосходящей западные инновационные достижения, единственным шансом, сохраняющим за нашей страной перспективу выживания в геополитическом соперничестве. В противном случае футурологи предрекают ей участь жертвы Юга [13].

В некотором роде в нашей «отсталости» от мира постмодерна в темпах деградации и впадения в отсталость — наша сила. Потому как после окончания холодной войны и исчезновения СССР с политической карты мира исчезли объективные стимулы к научно-техническому прогрессу, главным из которых был страх утраты военного паритета каждого из лидеров систем-антагонистов. Мировая наука на сегодня во многом переключилась с исследования окружающего мира на самоизменение человека. Причем нередко скатывается на уровень более или менее эффективных разработок манипулирования сознанием.

Несмотря на то что образовательные реформы в нашей стране успешно противодействуют появлению людей с системным мышлением в будущем, формируя «квалифицированных потребителей», пока не разрушена система Российской академии наук и не заменена на «исследователей при университетах», мы выгодно отличаемся в этом плане от остальной планеты и действительно пока еще имеем реальный шанс на научный прорыв.

Для успешности будущего российского рывка очень важно ответить на вопрос: почему же аутентичный советский проект деградировал и рухнул?

Нам думается, что любой мобилизационный проект может «работать» только в течение определенного и весьма ограниченного времени.

К тому же цели, сформулированные в нелегких условиях становления советского государства, были, в основном, достигнуты. А затем, в отсутствие гражданского общества, которое бы реально участвовало в формировании повестки дня, элитой формулируются ложные и чуждые нашему обществу цели: 1) догнать и перегнать Америку (при Хрущеве); 2) удовлетворение все возрастающих потребностей советского человека (при Брежневле). Мы фактически перестаем отличаться в этом вопросе от той системы, которой себя противопоставляем, только имеем для достижения поставленных целей гораздо меньше ресурсов и механизмов (в отсутствие частного предпринимательства), чем заранее обрекаем себя на поражение.

На закате существования СССР в стране уже было немало критиков системы (диссидентское движение и т.п. общественные силы). В отсутствие возможностей принять реальное участие в формулировке целей ими ставится одна — главная — разрушение СССР. Цель, которая с успехом была достигнута во многом из-за идеализации Запада, а также вследствие негибкости политической системы, топорности ее идеологической пропаганды.

В 1960-е, еще до студенческих революций, в случае пересмотра старых марксистских догм с опорой на труды фрейдомарксистов, самым известным из которых тогда был Г. Маркузе, у СССР был реальный шанс получить импульс идеологического обновления и стать лидером мирового протестного движения.

К сожалению, той политической элите было невозможно осознать имеющиеся потенции, а после подавления Пражской весны шанс уже был упущен и страна, «где так вольно дышит человек», дискредитирована в глазах мирового сообщества.

Заключение: принять свою историю

Так сложилось, что сегодня мы перекраиваем российскую действительность по тем лекалам, которые давно отброшены на Западе как негодные.

Рекомендуя нам радикально либеральный подход в экономике, сами мировые лидеры (прежде всего США и Евросоюз) практикуют разумный протекционизм и господдержку отдельных отраслей. В России же сегодня фактически происходит окончательная приватизация всех сфер деятельности, вплоть до социальной (в частности, здравоохранения и уже среднего образования), которая не может быть рыночной по определению.

Разочарование в либеральных реформах в очередной раз активизирует дискуссии о выборе «правильного пути». Причем возникает парадоксальная ситуация.

С одной стороны, в социуме назрело недовольство тем, что все реформы проводятся в пожарном режиме без нормального обсуждения и выявления общественного мнения по тому или иному вопросу.

С другой стороны, соцопросы выявляют поддержку политиков с авторитарным стилем руководства. Если вести речь о персонажах нашей недавней истории, то это Сталин, что подтверждается результатами электронных голосований на различных политических и исторических ток-шоу (которых было особенно много в год сталинского юбилея — 130 лет со дня рождения), а из числа современных политиков — В.В. Путин, в период президентства которого была окончательно «задушена» неокрепшая российская демократия (я имею ввиду ряд новаций избирательного права и проч. меры, превратившие парламент в «не место для дискуссий»).

Почему это происходит?

О Сталине в данной статье уже говорилось достаточно, тут свою роль играет запрос на социальную справедливость, эффективность и ответственность политической элиты. Что же касается Путина, то, как мне представляется, многое ему «прощается» хотя бы только за «мюнхенскую речь», за «принуждение к миру» Грузии (которое хотя и состоялось формально при Медведеве, но явно не без участия премьер-министра), т.е. за некоторые потуги к великодержавности.

В столь противоречивых, на первый взгляд, общественных настроениях, как мне представляется, на самом деле нет противоречия.

В российском социуме давно назрел запрос на собственный аутентичный проект развития, накопилась усталость от «демократии по форме» и стремление к «демократии по содержанию».

К сожалению, формальное заимствование демократических институтов отнюдь не означает их эффективной работы. Более того, такое формальное заимствование, как выяснилось, усугубило некоторые российские «извечные» проблемы, в частности, использование государства в интересах правящей бюрократии. Это произошло по многим причинам, в том числе из-за неразвитости правового сознания, которое почему-то никак не желает укореняться, а напротив, трансформируется в правовой нигилизм сверху и правовую индифферентность снизу.

Не последнюю роль в сложившейся ситуации играет моральное разложение власти. Законопроекты не случайно не выносятся на уровень общественных дискуссий. Все они, как правило, «делаются под кого-то», т.е. уже заранее определены участники игры и получатели бонусов, поэтому внесение даже небольших коррективов может изменить хорошо продуманную схему очередного «распила» бюджетных средств.

Отечественным способом ограничения самодовлеющего государства на протяжении многих веков была идеократия. Причем, помимо великодержавности, ключевой приметой регулятивной идеи и в дореволюционной России, и в СССР было стремление к справедливости.

Реформы последних 20 лет привели к тому, что впервые российской «религией» стала имманентно не присущая нам страсть к наживе, к тому же не ограниченная (как на Западе) правовой ответственностью. И все чаще в качестве меры борьбы с сегодняшним всевластием бюрократии называют репрессии или опричнину, активизируя образы Сталина или Ивана Грозного в положительном ключе.

Однако, как мне кажется, те рассуждения и предложения по поводу очередного мобилизационного проекта, которые мы слышим сегодня, лишены одной важной составляющей, придающей и веру в собственные силы обществу, и смысл любому проекту, — сакральной.

Реиндустриализация на новых основаниях, сверхмодернизация и т.п. вещи станут возможны тогда, когда мы поймем зачем, ради чего они нам нужны. И когда мы сегодня отвечаем на этот вопрос: для того, чтобы быть, остаться, сохраниться, — этого уже недостаточно. Потому что среди «русской» интеллектуальной «элиты» довольно много людей, для которых не так уж важно сохранение России в ее нынешних границах, сохранение русской культуры и т.д.

Главное, чего лишилось российское общество в ходе реформ — это смысла жизни, который (во всяком случае для нас) не может быть в неумеренном потреблении, влекущем за собой исключительно пресыщенность. Такой смысл дает человеку религиозная жизнь (жить по заповедям и готовиться к загробной жизни). Такой смысл давала жизнь советская.

Социалистический проект, отказавшись от стремления добиться справедливости в мировом масштабе (т.е. победить капитализм), предлагал иные высокие смыслы: любить родину, беречь природу, служить людям, растить детей и проч. Сегодняшняя нехватка подобных стремлений приводит к ностальгии по СССР.

Нынешняя власть ввиду отсутствия в ней «высокого смысла» паразитирует на советском не только в материальном, но и в символическом плане, вплоть до перепевания старых песен, переименования лозунгов и т.п.

Ну, и нельзя забывать о фактической стороне дела. Ведь советское общество смогло сделать гигантский технологический рывок не только потому, что верило в собственные силы, но и поскольку оно действительно было более справедливо устроено. И каждый талантливый ребенок в нем имел шанс на самореализацию. Сегодняшняя коммерциализация образования, ограничивающая возможности раскрытия способностей у детей из социальных низов, это не просто недобросовестная конкуренция со стороны отпрысков псевдоэлиты. Это порядок, блокирующий способность страны к новому качественному скачку.

СССР перестал существовать благодаря антисоветскому консенсусу самых разных политических сил. Новой консолидирующей идеей для нашей страны может стать «просоветский консенсус». Нам надо начать с того, что отстоять собственную историю, в том числе самую новейшую. Вот каков должен быть главный ценностный ориентир для сегодняшнего российского гражданского общества!

Почему смутное кромвелевское время носит в Англии название «Славной революции»? А в России момент фактического рождения гражданского общества — Смута?

Необходимо понять, осознать и принять, что у каждого периода российской истории был свой высокий смысл.

Ведь очевидно, что не проведи свои реформы Петр I, Россия безнадежно отстала бы от Европы в технологическом и культурном отношении и, скорее всего, экспансионистские планы ряда европейских государств, той же Швеции, имели бы успех. То же верно и в отношении сталинской индустриализации. Даже у последних 20 лет, благодаря которым мы получили компрадорскую политическую элиту, есть свой смысл. Во-первых, не пройди Россия через рыночные реформы и трансформацию политической сферы, не было бы и последующего экономического подъема. Во-вторых, несмотря на болезненность этих реформ и неоднозначность результатов, у нас теперь есть и гражданское общество, теперь мы в состоянии оценить не только недостатки, но и достоинства советского периода. Только осознав важность и значимость каждого момента российской истории, можно получить новый импульс к развитию. И этот процесс уже начался!

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Автономов А.С., Гриб В.В., Попов Е.В., Попова Е.В., Шульга Р.Ю. Гражданское общество: учебник. — М.: Юрист, 2009.
- [2] Бурлацкий Ф.М., Алексеева Т.А., Егоров В.К., Никитин А.И., Перегудов С.П. Политическая наука в России: вчера, сегодня, завтра (материалы научного семинара) // Полис. — 2006. — № 1.
- [3] Вдовин А. Подлинная история русских. XX век. — М.: Алгоритм, 2010.
- [4] Взаимодействие государства и гражданского общества в современной России. — М.: Вече, 2008.
- [5] Власть, бизнес и гражданское общество. Материалы дискуссий. — М.: ОГИ, 2009.
- [6] Гаман-Голутвина О.В., Капустин Б.Г., Соловьев А.И. Совершенствование преподавания политологии. Аналитический доклад. — М.: Логос, 2005.
- [7] Гражданское общество в России: теория, история и современность / Социальное расслоение и социальная мобильность. — М.: Наука, 1999.
- [8] Гражданское общество: теория и современная практика в мировом и российском измерениях. Материалы «круглого стола» сотрудников Российского университета дружбы народов // Вестник РУДН. Серия «Политология». — 2009. — № 4.
- [9] Делягин М. Путь России: Новая опричнина, или Почему не нужно «валить из Рашки». — М.: Эксмо, 2011.
- [10] Европа объявила России «антитоталитарную» войну. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2011/08/28/evropa-obyavila-rossii-antitotalitarnuyu-voinu>
- [11] Ерохов И.А. Современные политические теории: кризис нормативности. — М.: Праксис, 2008.

- [12] Ильинская С.Г. Гражданское общество и современное российское государство // Вестник РУДН. Серия «Политология». — 2009. — № 4.
- [13] Калашиников М. Россия на дне. Есть ли у нас будущее? — М.: Яуза-пресс, 2010.
- [14] Капустин Б.Г. Что такое «Гражданское общество»? / Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010.
- [15] Кожин В.В. История Руси и русского Слова. Современный взгляд. — М.: Московский учебник-2000, 1997.
- [16] Мединский В. О русском рабстве, грязи и «тюрьме народов». — М., 2008.
- [17] Нарочницкая Н.А., Фалин В.М. и др. Партитура второй мировой. Кто и когда начал войну? — М.: Вече, 2009.
- [18] Панарин И. Первая мировая информационная война. Развал СССР. — СПб.: Питер, 2010.
- [19] Паренти М. Демократия для немногих. — М.: Прогресс, 1990.
- [20] Полторанин М. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. — М.: Эксмо: Алгоритм, 2011.
- [21] Фроянов И. Грозная опричнина. — М.: Эксмо: Алгоритм, 2009.
- [22] Якунин В., Багдасарян В., Сулакишин С. Западня: новые технологии борьбы с российской государственностью. — М.: Эксмо, 2010.
- [23] Evans A.B., Jr. et al (eds). Russian Civil Society: A Critical Assessment. — Armonk, U.S.: M.E. Sharpe, 2006.
- [24] Umland A. Toward an Uncivil Society? Contextualizing the Decline of Post-Soviet Russian Parties of the Extreme Right-Wing // Demokratizatsiya. — 2002. — Vol. 10. — № 3.

RUSSIAN CIVIL SOCIETY: THE WAY OF THE CONSOLIDATION

S.G. Il'inskaya

The Department of the History of Political Philosophy
The Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
Volkhonka str., 14/1, Moscow, Russia, 119991

The author sequentially defends in his publications the necessity to develop national humanities and political sciences, in particular to introduce the authentic category apparatus, to fill it with new content, to enrich what is already done but not to be satisfied with accepting western elaborations. S.G. Il'yinskaya offers to complement existing classification of state regimes with different types of contemporary social system. The division into “society of values” (procedural, regulated largely by law system methods) and “society of an aim” (mobilized, regulated largely by voluntarism methods) is developed. The principal idea of the article: we are not the worst and not the best, we are other, and there is no sense to refuse an own identity, not critically changing Russian reality using western patterns since on that way we are doomed to an eternal stamp of “underdevelopment”. The project of the future is understood by the author as a self-sufficient “society of sense” that is able to establish new aims, create new values. The main purpose that should be put today by civil society in Russia is to save Russian history.

Key words: political theory, civil society, classification of state regimes, types of contemporary social system, Russian national identity.